
УДК 327.5+81'42:316

ББК 66.4(0)633+81.055.1+60.5

DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/3/120-127>

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНФРОНТАЦИОННЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ НАТО ЙЕНСА СТОЛТЕНБЕРГА

Е. А. Антюхова, Ю. А. Караулова

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации*

PECULIARITIES OF THE IMPLEMENTATION OF CONFRONTATIONAL COMMUNICATION STRATEGIES IN THE POLITICAL DISCOURSE OF NATO SECRETARY GENERAL JENS STOLTENBERG

E. A. Antyukhova, Yu. A. Karaulova

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA

Аннотация: в статье анализируются языковые способы реализации и актуализации конфронтационных коммуникативных стратегий в политическом дискурсе генерального секретаря НАТО Йенса Столтенберга. Проведенное исследование позволило установить, что из всего многообразия коммуникативных конфронтационных стратегий в идиодискурсе Йенса Столтенберга наиболее частотными являлись стратегия дискредитации политического оппонента, а также стратегия убеждения и подчинения. В меньшей степени была реализована стратегия самозащиты. Данный факт обусловлен характером анализируемого дискурса, поскольку дипломатический дискурс как особый тип политической коммуникации характеризуется большей сдержанностью и осторожностью в оценках, чем другие виды политического дискурса. К тактическим способам реализации стратегии дискредитации можно отнести тактику обвинения (прямого и скрытого), языковыми маркерами которой являются лексемы с выраженной семой отрицательной оценки, лексемы, отрицательно-оценочные значения которых контекстуально обусловлены, средства создания дихотомии «мы/они», вербализующие типичную для политического дискурса категорию чуждости, а также тактику насмешки, направленную на выявление слабых сторон политического оппонента. Основной тактикой, реализующей конфронтационную стратегию убеждения и подчинения, является тактика угрозы, которая вербализуется такими языковыми средствами, как использование глаголов будущего времени, придающих высказыванию повелительный, ультимативный и лимитирующий характер, использование синтаксического параллелизма и повторной номинации ключевых речемысловых элементов идиодискурса, использование лексем с контекстуально обусловленной семантикой угрозы, применение коммуникативных ходов устрашения. Конфронтационная коммуникативная стратегия самозащиты была реализована речевыми тактиками оспаривания и противопоставления, цели которых состояли не только в возражении политическим оппонентам, но и в одновременной репрезентации своих положительных качеств.

Ключевые слова: политический дискурс, дипломатический дискурс, идиодискурс, конфронтационные коммуникативные стратегии, речевые тактики, языковые средства актуализации коммуникативной стратегии.

Abstract: the article analyzes the linguistic ways of implementing and updating confrontational communication strategies in the political discourse of NATO Secretary General Jens Stoltenberg. The study made it possible to ascertain that out of the whole variety of communicative confrontational strategies in the idiodiscourse of Jens Stoltenberg, the most frequent ones were the strategy of discrediting a political opponent, as well as the strategy

© Антюхова Е. А., Караулова Ю. А., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

of persuasion and submission. To a lesser extent, a self-defence strategy was implemented. This fact is due to the nature of the analyzed discourse, since diplomatic discourse, as a special type of political communication, is characterized by greater restraint and caution in assessments than other types of political discourse. The tactical methods of implementing the strategy of discrediting include the tactics of accusation (direct and covert), the language markers of which are lexemes with a pronounced sense of negative evaluation, lexemes, the negative evaluative meanings of which are contextually determined, means of creating the dichotomy "we / they", verbalizing a typical political discourse category of alienation, as well as tactics of ridicule aimed at identifying the weaknesses of a political opponent. The main tactic that implements the confrontational strategy of persuasion and subjugation is the tactic of threat, which is verbalized by such linguistic means as the use of future tense verbs that give the statement an imperative, ultimatum and limiting character; the use of syntactic parallelism and the repeated nomination of key elements of idiodiscourse, the use of lexemes with the contextual semantics of threat, the use of communicative moves of intimidation. The confrontational communicative strategy of self-defence was implemented by speech tactics of contestation and opposition, the goals of which were not only to object to political opponents, but also to simultaneously represent the positive qualities of the discourse author.

Key words: *political discourse, diplomatic discourse, idiodiscourse, confrontational communicative strategies, speech tactics, linguistic means of actualizing a communicative strategy.*

Введение

Целью статьи является анализ функционально-лингвистических особенностей тактической реализации confrontational коммуникативных стратегий в политическом дискурсе генерального секретаря Организации Североатлантического договора Йенса Столтенберга.

Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью реализации confrontational коммуникативных стратегий в дипломатическом дискурсе как разновидности политической коммуникации в целом и дискурсе саммитов НАТО в частности.

Коммуникативные речевые стратегии, под которыми понимают «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей» [1, с. 54], являются неотъемлемой частью политического дискурса, который «традиционно строится на стратегиях не только кооперации, но и конфронтации» [2, с. 4]. Выбор той или иной стратегии обусловлен текущей политической ситуацией, а также желанием коммуникантов политического процесса либо прийти к консенсусу, либо создать конфликтные ситуации.

Вслед за Н. Н. Кирилловой будем сводить коммуникативные стратегии конфликтного поведения к следующим типам: дискредитация, подчинение, насилие, агрессия, разоблачение, претензия, угроза, захват инициативы, контроль над ситуацией, принуждение, проработка, соперничество и конфликт [3, с. 29]. Коммуникативные стратегии актуализируются в речи при помощи речевых тактик, для которых характерен определенный набор лингвистических средств и языковых маркеров.

Объектом статьи являются фрагменты идиодискурса (дискурса языковой личности, которая находится в центре внимания политического дискурса [4]) 13-го генерального секретаря НАТО, бывшего премьер-министра Норвегии, Йенса Столтенберга,

вербализующие confrontational коммуникативные стратегии разного типа. Йенс Столтенберг, занимающий свой нынешний пост с 2014 г., происходит из влиятельного семейства, которое в прессе окрестили «норвежскими Кеннеди». В начале своей карьеры, работая журналистом в газете *Arbeiderbladet*, Столтенберг призывал власти Норвегии выйти из агрессивного блока НАТО, генеральным секретарем которого он, по иронии судьбы, стал тридцать пять лет спустя. Предметом исследования выступают функционально-прагматические свойства коммуникативных confrontational стратегий и вербализующих эти стратегии тактик в идиодискурсе Й. Столтенберга, а также дискурсивные механизмы и средства их реализации.

Несмотря на то, что принятие окончательных военно-политических и стратегических решений осуществляется государствами – членами альянса, генеральный секретарь является влиятельным международным политиком и дипломатом, координирующим работу Организации Североатлантического договора, а потому его выступления могут служить ключом к пониманию основных направлений деятельности альянса и его текущей политической повестки. Для анализа в качестве материала для исследования были отобраны выступления Й. Столтенберга на саммитах НАТО за последние пять лет (в период с 2019 по 2023 г. на английском языке), поскольку в настоящее время английский язык как один из главных инструментов международной дипломатии обслуживает переговорные процессы как между англоязычными, так и неанглоязычными странами. Кроме того, по справедливому замечанию А. П. Чудинова, установление авторства политического текста является весьма проблематичным, поскольку над его созданием работает, как правило, группа лиц, так называемых спичрайтеров. В связи с этим автором политического текста будет считаться лицо, произно-

сящее данное речевое произведение и готовое нести за него ответственность, т. е. в данном случае – генеральный секретарь Организации Североатлантического договора Йенс Столтенберг.

Скрипты выступлений Йенса Столтенберга на пресс-конференциях в рамках ежегодных саммитов НАТО – в Лондоне в 2019 г. [5], на онлайн-платформе из-за пандемии в 2020 г. [6], в Брюсселе в 2021 г. [7], в Мадриде в 2022 г. [8], в Вильнюсе в 2023 г. [9] – были взяты с официального сайта North Atlantic Treaty Organization. Согласно жанрово-тематической классификации политических текстов, разработанной А. П. Чудиновым, выступления на пресс-конференциях можно отнести к собственно политическим текстам (по характеру субъекта политического дискурса), предназначенным институциональным политическим субъектам, политическим деятелям и оппонентам (по характеру объекта политического дискурса), текстам ориентационного жанра (по функциональной отнесенности) [10]. Кроме того, необходимо отметить, что пресс-конференции относят также и к устным жанрам еще одного институционального дискурса – дипломатического, который некоторые исследователи считают одной из разновидностей политического дискурса [11]. По мнению Е. А. Вебер, цель дипломатического дискурса состоит в «обеспечении преемственности в защите национальных интересов и благосостояния народа, осуществлении внешнеполитической деятельности от лица государства, предотвращении вооруженного конфликта и укреплении мира» [12, с. 37].

Методы исследования включают описательный метод, метод контент-анализа источников фактического материала и литературы по изучаемой проблеме.

Результаты и обсуждение

Проведенный анализ позволил установить, что наиболее реализуемыми конфронтационными коммуникативными стратегиями в идиодискурсе генерального секретаря НАТО Йенса Столтенберга были стратегии дискредитации, подчинения и убеждения, а также самозащиты.

Конфронтационная коммуникативная стратегия дискредитации строится на основе коммуникативной категории «чуждости», в ходе развертывания которой участники коммуникации помещаются в противоборствующие позиции, в результате чего формируется «свой круг» и противоположный ему «чужой круг» [1].

Из всего арсенала тактических способов реализации данной стратегии (тактики отрицательного анализа, обвинения, обличения, издевки и других [13]) в идиодискурсе Й. Столтенберга наиболее широкое применение находит тактика обвинения. Причем необходимо отметить, что тактика открытого

обвинения стала частью дискурса генерального секретаря НАТО лишь в последние годы. До этого обвинения носили либо неявный характер, либо «маскировались» под тактику анализ-«минус», что обусловлено тем, что пресс-конференции в рамках международных саммитов принадлежат к особому виду политической коммуникации – дипломатическому дискурсу, где открытая конфронтация противоречит основной цели данного дискурса.

Тактика обвинения, реализуемая в рамках стратегии дискредитации в дискурсе Й. Столтенберга, имеет несколько «мишеней»: 1) обвинение России и лично В. В. Путина в вооруженном конфликте на Украине; 2) обвинения политического руководства Северной Кореи в несанкционированной разработке и испытании ядерного оружия; 3) обвинения Рабочей партии Курдистана в террористических атаках на территории Турции; 4) обвинения руководства радикального движения «Талибан» в недемократических методах правления; 5) обвинение руководства Китая в отсутствии следования демократическим ценностям и наращивании военной мощи.

Примерами прямых обвинений в применении агрессии и жестокости являются следующие фрагменты из выступлений политика.

(1) *The Taliban must reduce the unacceptable levels of violence. To pave the way for a ceasefire. It is stated clearly that our presence is conditions-based, and that's exactly why we call on Taliban to live up to their commitments and reduce violence and also make sure that they break all ties with al-Qaeda* [6].

(2) *No Ally has suffered more brutal terrorist attacks than Türkiye, including from the terrorist group PKK* [8].

(3) *I therefore welcome that many Allies will today commit to providing long-term security assistance to Ukraine. This will help deter any future aggression from Russia after this war end* [9].

(4) *The Ukrainian government and people continue to resist Russia's brutal war of aggression. Their courage and commitment are an inspiration* [8].

(5) *And the purpose of credible deterrence is not to provoke a conflict, but to prevent a conflict, to prevent Russia or any other potential adversary from attacking a NATO allied country* [8].

(6) *I'm absolutely confident that the appalling consequences of President Putin's brutal war against Ukraine, also on the global food market, and food prices, and grain export, will be addressed at the Summit* [8].

(7) *And our relationship with Russia is at its lowest point since the end of the Cold War. This is due to Russia's aggressive actions* [7].

В приведенных речевых актах способами выражения отрицательной оценки выступают лексемы с выраженной семой отрицательной оценки (*unacceptable levels of violence – неприемлемый уровень*

жестокости; brutal terrorist attacks – жестокие террористические атаки; aggression from Russia – агрессия со стороны России; Russia's brutal war of aggression – жестокая агрессивная война со стороны России (обвинительный эффект усиливается благодаря помещению трех лексем с резко отрицательной семантикой в один небольшой фрагмент); to prevent Russia or any other potential adversary from attacking a NATO allied country – помешать России или любому другому врагу напасть на страну – союзника НАТО; appalling consequences of President Putin's brutal war against Ukraine – ужасающие последствия жестокой войны, развязанной Президентом Путиным против Украины; aggressive actions – агрессивные действия), лексемы, отрицательно-оценочные значения которых контекстуально обусловлены (ties with al-Qaeda – связь с «Аль-Каидой»).

Иллокутивный эффект реализуемой речевой тактики может быть усилен благодаря одновременной актуализации нескольких тактик – тактики обвинения и угрозы как в примере, приведенном ниже.

(8) *NATO Allies have also imposed sanctions on Russia. And these sanctions are important because they ensure that **President Putin has to pay a price for this reckless, heinous, brutal military attack on Ukraine*** [8].

Тактика обвинения реализуется благодаря использованию трех однородных определений отрицательно-оценочного типа (*reckless, heinous, brutal military attack – безрассудное, гнусное, жестокое военное нападение*), тактика угрозы – благодаря использованию модального глагола и идиоматического выражения с семантикой угрозы (*President Putin has to pay a price – Президенту Путину придется дорого заплатить*).

Примерами прямых обвинений во вмешательстве во внутренние дела суверенного государства являются следующие фрагменты из выступлений Й. Столтенберга.

(9) *But if anything, we should do more and we should also do more for other Allies which are vulnerable for Russian attempts to **meddle in** their domestic political affairs* [8].

(10) *And therefore, I expect that at the Summit we will agree to step up political and practical support to partners at risk from Russian **interference*** [8].

Языковыми маркерами актуализации тактики обвинения в приведенных примерах являются лексемы с контекстуально обусловленными отрицательными значениями – *meddle in (вмешиваться), interference (вмешательство)*, а также использование лексем с ярко выраженным эмоционально-экспрессивным коннотативным элементом (*Allies which are vulnerable – союзники, которые становятся уязвимыми*). Перлокутивным эффектом, создаваемым такой комбинацией языковых средств, которые можно назвать при-

мерами языкового манипулирования, является ситуация, когда адресат дискурса испытывает жалость и сострадание к государствам, пострадавшим от неправомерного вмешательства другого государства.

Примерами обвинений в незаконности действий являются следующие фрагменты из выступлений генерального секретаря НАТО.

(11) *NATO and Allies have provided substantial support to Ukraine since Russia's in 2014* [8].

(12) *There's a full-fledged war going on in Europe, and there is no risk free option, no risk free option for NATO Allies either. But the biggest risk is if President Putin wins. Because then the message is that when he uses military force, when he violates international law, when invades a neighbour, then he gets what he want* [9].

(13) *The war in Ukraine has global ramifications. Terrorist and cyber-threats know no borders. And authoritarian regimes are coming closer together. So we must stand together for the rules-based international order* [9].

Средствами, вербализующими тактику обвинения в противоправных действиях, в приведенных фрагментах являлись лексемы с выраженной семой отрицательной оценки (*illegal annexation of Crimea – незаконная аннексия Крыма; violate international law – нарушить международное законодательство; invade a neighbour – вторгаться на территорию соседнего государства*), средства создания дихотомии «мы» / «они», вербализующие типичную для политического дискурса коммуникативную категорию чуждости (*authoritarian regimes (авторитарные режимы) – «они» vs. the rules based international order (мировой порядок, основанный на нормах права) – «мы»*).

В примере 14, приведенном ниже, обвинение Северной Кореи в несанкционированном развертывании ядерной программы подкрепляется и оценочным глаголом *condemn* (осуждать, порицать, уличать), что подчеркивает отношение субъекта дискурса к происходящему и усиливает прагматическое манипулятивное воздействие на адресата.

(14) *We condemn North Korea's nuclear and missile programmes, including its latest missile launch: These violate multiple UN Security Council Resolutions and pose a threat to regional and global security* [9].

Примеры 1–14 демонстрируют прямое обвинение стран и их лидеров в тех или иных проявлениях противоправного поведения. Обвинения, выдвигаемые в адрес Китая (фрагменты 15–19), носят гораздо более мягкий характер.

(15) *And we also know that China does not share our values, we see how they crackdown on democratic voters in Hong Kong. And also, persecute minorities in their own country, and use modern technology, social media, and facial recognition to monitor and surveillance their own population in a way we've never seen before* [7].

(16) *But China's military build-up, growing influence and coercive behaviour also poses some challenges to our security* [7].

Тактика осторожного обвинения в адрес Китая в идиодискурсе Й. Столтенберга часто маскируется под тактику «анализ-минус» (*does not share our values* (не разделяет наши ценности), *crackdown on democratic voters* (преследование демократических свобод), *persecute minorities* (преследовать меньшинства), *military build-up, growing influence and coercive behavior* (наращивание военной мощи, растущее влияние и коэрцитивное поведение (политика силового подавления)), *use modern technology, social media, and facial recognition to monitor and surveillance their own population* (использовать современные технологии, социальные сети и системы распознавания лиц для наблюдения за гражданами своей собственной страны)). Последнее обвинение выглядит особенно абсурдным, поскольку в таких странах, как, например, Объединенные Арабские Эмираты, использование систем видеонаблюдения и распознавания лиц достигло значительно больших масштабов, чем в Китае, однако данная тенденция не вызывает озабоченность представителей блока НАТО.

Тактика осторожного обвинения также реализуется путем сопоставления Китая со странами, представляющими реальную угрозу, в адрес которых обвинения высказываются прямо и открыто (фрагменты 17–19). Таким образом, в сознании реципиента дипломатического дискурса создается представление о Китае как носителе потенциальной угрозы «нашей безопасности, интересам и ценностям», которая в любое время может превратиться в реальную угрозу, т. е. мы вновь наблюдаем дихотомию «мы» / «они», но уже в более завуалированном виде.

(17) *I expect it will make clear that Allies consider Russia as the most significant and direct threat to our security. It will address China for the first time. And the challenges that Beijing poses to our security, interests, and values* [8].

(18) *And the purpose of credible deterrence is not to provoke a conflict, but to prevent a conflict, to prevent Russia or any other potential adversary from attacking a NATO allied country. China is not an adversary but, of course, we need to take into account the consequences to our security when we see China investing heavily in new modern military capabilities, long range missiles, nuclear weapons, and also trying to control critical infrastructure, for instance, 5G networks in our own countries* [8].

(19) *We're not entering a new Cold War and China is not our adversary, not our enemy, but we need to address together as an Alliance, the challenges that the rise of China poses to our security* [7].

Тактика насмешки не является частотной в дипломатической разновидности политической комму-

никации, но тем не менее можно обнаружить некоторые примеры выявления слабостей политического противника в идиодискурсе Й. Столтенберга.

Так, и на саммите 2022 г., и на саммите 2023 г. генеральный секретарь отмечает слабости советского военного наследия Украины и необходимости для страны переходить на новые, современные стандарты НАТО.

(20) *Our new multi-year programme of assistance for Ukraine will help you transition from Soviet era to NATO equipment and standards. And will make Ukraine's forces fully interoperable within NATO* [9].

В примере 21 выражается сомнение в способности движения «Талибан» противостоять сильному блоку НАТО, поэтому единственно верным решением для слабого противника будет сесть за стол переговоров.

(21) *We strongly believe that the best way NATO can support the peace efforts is to train, assist and advise the Afghan security forces, so Taliban understand that they will never win on the battlefield. They have to sit down and make real and serious compromises on the negotiating table* [5].

Конфронтационная коммуникативная стратегия подчинения и убеждения имеет две основные цели: 1) демонстрацию коммуникантом своего превосходства над другими участниками речевого акта; 2) принуждение адресата к выполнению необходимых для адресанта действий [2, с. 85].

Основной речевой тактикой, реализующей данную стратегию в идиодискурсе Й. Столтенберга, выступает тактика угрозы.

(22) *And of course we do that knowing that Moscow will protest, as they did when Finland joined or when Sweden is joining or North Macedonia or all new Allies. So Ukraine has the right to choose its own path, Allies will decide, it's not for Moscow to decide* [9].

(23) *What we do know is that the more military support we provide to Ukraine, the more land they are able to liberate, the stronger their hand will be at the negotiating table* [9].

(24) *And I'm confident that Moscow, President Putin understands our collective security guarantees, understands the consequence of attacking a NATO allied country. It will trigger a response from the whole Alliance* [8].

Во фрагментах 22–24 речевыми средствами выражения тактики угрозы выступают: использование глаголов будущего времени, придающих высказыванию повелительный, ультимативный и лимитирующий характер (*Allies will decide; the stronger their hand will be at the negotiating table; It will trigger a response from the whole Alliance*), использование синтаксического параллелизма и повторной номинации ключевых речесмысловых элементов идиодискурса (*Allies*

will decide, it's not for Moscow to decide – решать будут союзники, Москва ничего решать не будет; the more military support we provide to Ukraine, the more land they are able to liberate – чем больший объем военной помощи мы предоставим Украине, тем больше земель они смогут освободить), использование лексем симплицитной, т. е. контекстуально обусловленной семантикой угрозы (*President Putin understands the consequence of attacking a NATO allied country – Президент Путин осознает последствия нападения на страну – союзницу НАТО*). Использование ярких, образных метафор, имеющих семантику силы и силового воздействия, также относится к коммуникативным ходам, предпринимаемым с целью устрашения противника (*the stronger their hand will be at the negotiating table – тем крепче будет кулак Украины за столом переговоров*).

(25) *And that's a good thing, because we face a very critical security situation in Europe. And it also sends a very clear message to President Putin, that NATO's door is open. You have to remember that in December last year, President Putin put forward so-called security treaties to be signed with NATO. And one of the most important messages from President Putin there was that he was against any further NATO enlargement. He wanted less NATO. Now President Putin is getting more NATO on his borders. So what he gets is the opposite of what he actually demanded. And that was for NATO to close its doors. We are demonstrating that NATO's doors are open* [8].

Пример 25 интересен тем, что внутри кольцевого повтора, или обрамления (*NATO's door is open ... NATO's doors are open*), помещается целая серия разноуровневых повторов и противопоставлений (*He wanted less NATO. Now President Putin is getting more NATO on his borders – Он хотел меньше НАТО, сейчас Президент Путин получает больше НАТО у своих границ; what he gets is the opposite of what he actually demanded – он получает прямо противоположное тому, чего требовал; And that was for NATO to close its doors. We are demonstrating that NATO's doors are open – он требовал, чтобы НАТО закрыла свои двери, мы же демонстрируем, что двери НАТО открыты*). Думается, что такая серия угроз, построенная по принципу «действие назло», не вполне согласуется с высоким статусом лидера влиятельной международной организации.

Конфронтационная коммуникативная стратегия самозащиты не является достаточно частотной в дипломатическом дискурсе, поскольку в пресс-конференциях на саммитах подобного рода участвуют, как правило, «проверенные» журналисты со строго выверенным перечнем вопросов, в числе которых нет «неудобных» вопросов, а потому коммуниканты находятся в достаточно комфортных условиях, в которых произносятся заранее заготовленные ответы на зара-

нее известные вопросы. Тем не менее Й. Столтенберг встал на защиту возглавляемой им организации, когда журналист Sky News Дебора Хейнс указала на раскол внутри организации в связи с отсутствием между союзниками необходимых договоренностей и единства.

(26) *Deborah Haynes [Sky News]: I'm Deborah Haynes from Sky News. You call NATO 'the most successful military alliance in history', and yet what we often only see in the headlines are disagreements, such as over this meeting with President Trump describing President Macron as being 'disrespectful'. President Macron calling NATO 'brain dead'. The Turkish president calling President Macron 'brain dead'. Are you not worried that these kinds of public disagreements are undermining the unity of the Alliance? Thank you.*

Jens Stoltenberg: Disagreements will always attract more attention than when we agree. And that's, in a way, how our open, free, democratic societies work, so I don't complain about that. The strength of NATO is that we have always been able to overcome these differences and then unite around our core task: to protect and defend each other [5].

В процессе реализации тактики оспаривания адресат дискурса сопоставляет свое мнение (разногласия привлекают больше внимания, мы их не скрываем, потому что мы – демократичное общество, сила НАТО – в преодолении разногласий и последующем объединении для достижения общей цели) с позицией оппонента, тем самым презентуя себя как более мудрого и компетентного политика.

Цель тактики противопоставления, реализуемой во фрагменте 27, приведенном ниже, состоит в выражении политическому оппоненту и одновременной репрезентации своих положительных качеств [2, с. 122]. Й. Столтенберг противопоставляет НАТО другим политическим организациям, строя свое высказывание на противопоставлении контрастных понятий: политики хорошо говорят, но действия их далеки от совершенства, тогда как риторика НАТО не всегда хороша, зато суть их деятельности – стремление к совершенству.

(27) *And you know, I've been a politician for many years, and politicians, they are very often criticised for being very good on rhetoric and then bad on substance. In NATO, in one way, it's the opposite: the rhetoric is not always excellent, but substance is perfect* [5].

Выводы

Проведенное исследование позволило установить, что из всего многообразия коммуникативных конфронтационных стратегий в политическом дискурсе Йенса Столтенберга наиболее частотными являлись стратегия дискредитации политического оппонента, а также стратегия убеждения и подчинения. В меньшей степени была реализована стратегия са-

мозаичности. Данный факт обусловлен характером анализируемого дискурса, поскольку дипломатический дискурс как особый тип политической коммуникации характеризуется большей сдержанностью и осторожностью в оценках, чем другие виды политического дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999. 284 с.
2. *Хлопотунов Я. Ю.* Конфронтационные коммуникативные стратегии в американском политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. 231 с.
3. *Кириллова Н. Н.* Коммуникативные стратегии и тактики с позиции нравственных категорий // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Сер. «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2012. Вып. 1. С. 26–33.
4. *Шапочкин Д. В.* Политический дискурс : когнитивный аспект // монография. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2012. 260 с.
5. North Atlantic Treaty Organization. NATO Leaders Meeting London, UK 03 Dec. 2019 – 04 Dec. 2019. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/events_171229.htm
6. North Atlantic Treaty Organization. Event: Meetings of NATO Ministers of Defence, 22 Oct. 2020 – 23 Oct. 2020. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/events_178859.htm
7. North Atlantic Treaty Organization. Event: NATO Brussels Summit 2021 14 Jun. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/events_184241.htm
8. North Atlantic Treaty Organization. Event: NATO Summit Madrid, 28 Jun. – 30 Jun. 2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_196144.htm
9. North Atlantic Treaty Organization. Event: 2023 NATO Vilnius Summit, 11–12 Jul. 2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/events_216418.htm
10. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика. М. : Флинта: Наука, 2006. 256 с.
11. *Беляков М. В.* Дипломатический дискурс как вид политического дискурса // Филологические науки в МГИМО. Сборник научных трудов № 41. М. : МГИМО-Университет, 2010. С. 19–26.
12. *Вебер Е. А.* Опыт лингвистического исследования когнитивного диссонанса в английском дипломатическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004. 19 с.

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
Антюхова Е. А., доктор политических наук, доцент
кафедры мировых политических процессов
E-mail: e.antyukhova@gmail.com

13. *Михалева О. Л.* Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М. : Либроком, 2009. 256 с.

REFERENCES

1. Issers O. S. Communicative strategies and tactics of Russian speech. Omsk: Omsk Publishing House state un-ta, 1999. 284 p.
2. Khlopotunov Ya. Yu. Confrontational Communication Strategies in American Political Discourse : dis. ... candidate of philological sciences. Moscow, 2022. 231 p.
3. Kirillova N. N. Communicative strategies and tactics from the standpoint of moral categories In: *Vestnik NSTU im. R. E. Alekseev. Series "Management in social systems. Communication Technologies"*. 2012. Issue. 1. Pp. 26–33.
4. Shapochkin D. V. Political discourse: the cognitive aspect of a monograph. Tyumen: Tyumen State University Press, 2012. 260 p.
5. North Atlantic Treaty Organization. NATO Leaders Meeting London, UK 03 Dec. 2019 – 04 Dec. 2019. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/events_171229.htm
6. North Atlantic Treaty Organization. Event: Meetings of NATO Ministers of Defence, 22 Oct. 2020 – 23 Oct. 2020. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/events_178859.htm
7. North Atlantic Treaty Organization. Event: NATO Brussels Summit 2021 14 Jun. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/events_184241.htm
8. North Atlantic Treaty Organization. Event: NATO Summit Madrid, 28 Jun. – 30 Jun. 2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_196144.htm
9. North Atlantic Treaty Organization. Event: 2023 NATO Vilnius Summit, 11–12 Jul. 2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/events_216418.htm
10. Chudinov A. P. Political linguistics. M.: Flinta: Nauka, 2006. 256 p.
11. Belyakov M. V. Diplomatic Discourse as a Kind of Political Discourse In: *Philological Sciences at MGIMO. Collection of scientific works № 41*. M.: MGIMO-University, 2010. Pp. 19–26.
12. Weber E. A. Experience of Linguistic Research of Cognitive Dissonance in English Diplomatic Discourse: Abstract of the thesis ... candidate of philological sciences. Irkutsk, 2004. 19 p.
13. Mikhaleva O. L. Political discourse. The specifics of manipulative influence. M.: Librokom, 2009. 256 p.

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA
Antyukhova E. A., Doctor of Political Science, Associate Professor of the World Politics Department
E-mail: e.antyukhova@gmail.com

*Карaulова Ю. А., кандидат юридических наук, доцент кафедры английского языка № 6
E-mail: karaulova8@gmail.com*

*Karaulova Yu. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the English Department No. 6
E-mail: karaulova8@gmail.com*

*Поступила в редакцию 10 марта 2023 г.
Принята к публикации 26 мая 2023 г.*

*Received: 10 March 2023
Accepted: 26 May 2023*

Для цитирования:

Антюхова Е. А., Карaulова Ю. А. Особенности реализации конфронтационных коммуникативных стратегий в политическом дискурсе генерального секретаря НАТО Йенса Столтенберга // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 3. С. 120–127. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/3/120-127>

For citation:

*Antyukhova E. A., Karaulova Yu. A. Peculiarities of the implementation of confrontational communication strategies in the political discourse of NATO secretary general Jens Stoltenberg. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2023. No. 3. Pp. 120–127. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/3/120-127>*